

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 57-КГ19-7

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

13 января 2020 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Фролкиной С.В.,
судей Вавилычевой Т.Ю. и Жубрина М.А.

рассмотрела в открытом судебном заседании 13 января 2020 г. кассационную жалобу Мандрыки Марины Анатольевны на решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 6 сентября 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 27 ноября 2018 г.

по делу № 2-3916/2018 Октябрьского районного суда г. Белгорода по иску Мандрыки Марины Анатольевны к Негодину Владимиру Алексеевичу о компенсации морального вреда, причинённого преступлением, по встречному иску Негодина Владимира Алексеевича к Мандрыке Марине Анатольевне о взыскании неосновательного обогащения.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Вавилычевой Т.Ю., выслушав объяснения Мандрыки М.А., её представителя адвоката Киселёва К.А., поддержавших доводы кассационной жалобы, возражения на кассационную жалобу представителя Негодина В.А. – адвоката Криницкого А.А., заключение прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Власовой Т.А., полагавшей приняты по делу судебные постановления об отказе Мандрыке М.А. в иске о компенсации морального

вреда незаконными, подлежащими отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции,

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Мандрыка М.А. 13 июля 2018 г. обратилась в суд с иском к Негодину В.А. о компенсации морального вреда, причинённого преступлением.

В обоснование заявленных исковых требований Мандрыка М.А. указала, что 2 октября 2016 г. Негодин В.А., двигаясь по улице Калинина в г. Белгороде на спортивном велосипеде, на пешеходном переходе совершил наезд на её мать Прокурову В.Ф., в результате чего Прокуровой В.Ф. был причинён тяжкий вред здоровью.

11 ноября 2016 г. Прокурова В.Ф. скончалась в больнице.

Приговором мирового судьи судебного участка № 3 Восточного округа г. Белгорода от 20 ноября 2017 г. Негодин В.А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 268 Уголовного кодекса Российской Федерации (нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека).

В рамках уголовного дела была проведена судебно-медицинская экспертиза, согласно выводам которой между причинёнными в дорожно-транспортном происшествии Прокуровой В.Ф. травмами и наступлением смерти имеется опосредованная (непрямая) причинная связь.

В связи с причинением тяжкого вреда здоровью Прокуровой В.Ф. и последующей её смертью Мандрыке М.А. причинены нравственные страдания, поскольку с матерью у неё были тёплые и доверительные отношения, она потеряла самого близкого человека, со смертью матери изменился уклад её жизни.

Ссылаясь на положения статей 150, 151, 1064, 1079, 1099 – 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, Мандрыка М.А. просила суд взыскать с Негодина В.А. в качестве компенсации морального вреда, причинённого смертью Прокуровой В.Ф., 1 000 000 руб.

Негодин В.А. иск Мандрыки М.А. не признал, обратился в суд со встречным иском к Мандрыке М.А. о взыскании неосновательного обогащения, указывая на то, что он в связи с причинением тяжкого вреда здоровью Прокуровой В.Ф. перечислил Мандрыке М.А. 100 000 руб. для приобретения лекарств, оказания надлежащего ухода за больной, впоследствии – для компенсации расходов на похороны. Однако при рассмотрении в рамках уголовного дела гражданского иска Мандрыки М.А. о возмещении материального ущерба и морального вреда было установлено, что на лечение и организацию похорон Прокуровой М.В., а также на судебные расходы по

уголовному делу Мандрыкой М.А. было истрачено 67 536 руб. Негодин В.А. считает, что Мандрыка М.А. за его счёт неосновательно получила 32 464 руб. (разницу между перечисленной Негодиным В.А. Мандрыке М.А. суммой денежных средств и фактически понесёнными Мандрыкой М.А. расходами), в связи с чем просил суд взыскать в его пользу с Мандрыки М.А. денежные средства в размере 32 464 руб. как неосновательное обогащение.

Решением Октябрьского районного суда г. Белгорода от 6 сентября 2018 г. в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. отказано, в удовлетворении встречных исковых требований Негодина В.А. отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 27 ноября 2018 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

В кассационной жалобе, поданной Мандрыкой М.А. в Верховный Суд Российской Федерации, содержится просьба об отмене принятых по делу судебных постановлений в части отказа в удовлетворении её исковых требований о компенсации морального вреда, как незаконных.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Вавилычевой Т.Ю. от 2 сентября 2019 г. Мандрыке М.А. восстановлен срок на подачу кассационной жалобы на решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 6 сентября 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 27 ноября 2018 г.

По результатам изучения доводов кассационной жалобы 18 сентября 2019 г. судьёй Верховного Суда Российской Федерации Вавилычевой Т.Ю. дело было истребовано в Верховный Суд Российской Федерации, и её же определением от 9 декабря 2019 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

В судебное заседание суда кассационной инстанции не явились извещённые надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дела ответчик Негодин В.А., от которого поступило письменное ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие, и третье лицо Прокуров Г.А., который сведений о причинах неявки не представил. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьёй 390¹¹, частью 4 статьи 390¹² Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, считает возможным рассмотреть дело в отсутствие неявившихся лиц.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, письменных возражений на неё Негодина В.А., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению, поскольку имеются основания для отмены в кассационном порядке обжалуемых судебных постановлений в части отказа в

удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда.

Основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (статья 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу о том, что при рассмотрении настоящего дела по иску Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда судами первой и апелляционной инстанций были допущены такого рода существенные нарушения норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Судом установлено и следует из материалов дела, что 2 октября 2016 г. около 10 час. 40 мин. Негодин В.А., управляя технически исправным транспортным средством – велосипедом «Bianchi Infinito CV» – и двигаясь по улице Калинина в г. Белгороде со скоростью не менее 32 км/ч, допустил нарушение требований пунктов 10.1, 14.1 Правил дорожного движения, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, и совершил наезд на пешехода Прокурову В.Ф., пересекавшую дорогу по нерегулируемому пешеходному переходу. В результате данного происшествия Прокуровой В.Ф. был причинён тяжкий вред здоровью. Прокурова В.Ф. была доставлена в больницу, где 11 ноября 2016 г., не приходя в сознание, скончалась.

По факту дорожно-транспортного происшествия в отношении Негодина В.А. было возбуждено уголовное дело, дочь Прокуровой В.Ф. – Мандрыка М.А. была признана потерпевшей.

В рамках уголовного дела была проведена судебно-медицинская экспертиза, по заключению которой смерть Прокуровой В.Ф. наступила от интоксикации с полиорганной недостаточностью:

[REDACTED]

Между причинёнными компонентами открытой черепно-мозговой травмы и наступлением смерти имеется непрямая (опосредованная) причинная связь.

Приговором мирового судьи судебного участка № 3 Восточного округа г. Белгорода от 20 ноября 2017 г. Негодин В.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 268 Уголовного

кодекса Российской Федерации (нарушение другим участником движения правил безопасности движения, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека), ему назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 6 месяцев; гражданский иск Мандрыки М.А. о возмещении материального, морального вреда, причинённого преступлением, удовлетворён частично, с Негодина В.А. в пользу Мандрыки М.А. взыскан материальный ущерб в размере 42 536 руб., компенсация морального вреда в размере 50 000 руб., судебные расходы в размере 25 000 руб. В удовлетворении остальной части гражданского иска Мандрыки М.А. отказано.

Апелляционным постановлением Свердловского районного суда г. Белгорода от 19 января 2018 г. приговор мирового судьи судебного участка № 3 Восточного округа г. Белгорода от 20 ноября 2017 г. в отношении Негодина В.А. изменён, из описательно-мотивировочной части приговора исключено указание на нарушение Негодиным В.А. пунктов 1.3, 1.5, 24.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Гражданский иск Мандрыки М.А. в части взыскания компенсации морального вреда оставлен без рассмотрения, Мандрыке М.А. разъяснено право на обращение в суд для его разрешения в порядке гражданского судопроизводства.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда, причинённого преступлением, суд первой инстанции сослался на положения статей 150, 151, 1079, 1100, 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктов 5, 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» и исходил из того, что Негодин В.А. был осуждён за причинение тяжкого вреда здоровью Прокуровой В.Ф., а не за деяние, повлёкшее по неосторожности её смерть, вследствие чего пришёл к выводу о том, что физические и нравственные страдания были причинены именно Прокуровой В.Ф. и право на материальную компенсацию морального вреда за причинённый по вине Негодина В.А. вред здоровью имела именно она. Указав на то, что нематериальные блага, в том числе компенсация морального вреда, не относятся к категории наследуемого имущества, а прямая причинная связь между действиями Негодина В.А. и смертью Прокуровой В.Ф. отсутствует, суд первой инстанции не нашёл оснований для удовлетворения исковых требований дочери Прокуровой В.Ф. – Мандрыки М.А.

По мнению суда первой инстанции, как в уголовном, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредом означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, за пределами юридически значимой причинной связи.

В удовлетворении встречных исковых требований Негодина В.А. к Мандрыке М.А. о взыскании неосновательного обогащения суд первой инстанции отказал, указав, что денежные средства в сумме 100 000 руб. были перечислены Мандрыке М.А. Негодиным В.А. добровольно с целью загладить причинённый его действиями вред Прокуровой В.Ф.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Если гражданину причинён моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (часть 1 статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности

сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинённым увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесённым в результате нравственных страданий, и др.

Отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причинённых нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда (абзац третий пункта 4 названного постановления Пленума).

Исходя из приведённых нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению моральный вред – это нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. В статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплены общие правила по компенсации морального вреда без указания случаев, когда допускается такая компенсация. Поскольку возможность денежной компенсации морального вреда обусловлена посягательством на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, само по себе отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причинённых нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда.

Из содержания искового заявления Мандрыки М.А. усматривается, что основанием её обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда явилось причинение тяжкого вреда здоровью её матери Прокуровой В.Ф. в результате преступных действий Негодина В.А., приведших, по мнению Мандрыки М.А., к смерти матери. При этом в обоснование требований о компенсации морального вреда Мандрыкой М.А. было указано, что ей лично в связи с причинением Негодиным В.А. её матери Прокуровой В.Ф. тяжкого вреда здоровью и последовавшей смертью Прокуровой В.Ф. причинены нравственные и физические страдания, выразившиеся в глубоких переживаниях по поводу утраты здоровья близким ей человеком – матерью и последовавшей смерти матери от полученных в результате трагического случая травм и развившихся в связи с ними заболеваний, длительном нахождении в стрессовой ситуации, изменении привычного уклада жизни, что привело в результате к нарушению неимущественного права Мандрыки М.А. на родственные и семейные связи.

Согласно статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Семейная жизнь в понимании статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по

правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Статьёй 38 Конституции Российской Федерации и корреспондирующими ей нормами статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьёй всех её членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации).

Из Конвенции о защите прав человека и основных свобод в её взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, положениями статей 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что семейная жизнь, семейные связи – это неимущественное благо, относящееся к категории неотчуждаемых и не передаваемых иным способом нематериальных благ, принадлежащих каждому человеку от рождения или в силу закона. В случае причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи такого гражданина, поскольку, исходя из сложившихся семейных связей, характеризующихся близкими отношениями, духовным и эмоциональным родством между членами семьи, возможно причинение лично им (то есть членам семьи) нравственных и физических страданий (морального вреда) в связи с причинением вреда здоровью их близкому родственнику. В данном случае не наступает правопреемство в отношении права на компенсацию морального вреда, поскольку такое право у членов семьи лица, которому причинён вред жизни или здоровью, возникает в связи со страданиями, перенесёнными ими вследствие нарушения принадлежащих им неимущественных благ, в том числе семейных связей.

Между тем судебные инстанции в настоящем деле приведённые нормативные положения к спорным отношениям применили неправильно и не учли, что предметом настоящего спора является компенсация морального вреда за причинение Негодиным В.А. нравственных и физических страданий истцу Мандрыке М.А. в связи с нарушением принадлежащих ей нематериальных благ, перенесёнными именно ею нравственными и физическими страданиями вследствие причинения тяжкого вреда здоровью её матери Прокуровой В.Ф. и последовавшей её смерти, то есть нарушением неимущественных прав Мандрыки М.А. на родственные и семейные связи.

Частью 3 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что суд принимает решение по заявленным истцом требованиям.

Как усматривается из содержания принятых по делу судебных постановлений (решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции), предметом рассмотрения судебных инстанций данные обстоятельства (перенесённые Мандрыкой Н.А. нравственные и физические страдания ввиду нарушения её права на родственные и семейные связи) вследствие неправильного применения норм материального права не являлись, выводов относительно наличия или отсутствия нравственных и физических страданий Мандрыки М.А. исходя из приведённых оснований иска судами первой и апелляционной инстанций в нарушение части 3 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не сделано.

Ссылку судебных инстанций в обоснование отказа Мандрыке М.А. в удовлетворении иска о компенсации морального вреда на статью 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации с указанием на то, что нематериальные блага не относятся к категории наследуемого имущества, нельзя признать правомерной, поскольку требования о компенсации морального вреда были заявлены Мандрыкой М.А. в связи с перенесёнными лично ею в результате преступных действий Негодина В.А. нравственными и физическими страданиями, вызванными нарушением Негодиным В.А. принадлежащих именно ей, а не Прокуровой В.Ф., нематериальных благ, включая такое нематериальное благо, как семейная жизнь, семейные связи.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций об отсутствии у Мандрыки М.А. права на взыскание с Негодина В.А. компенсации морального вреда, поскольку физические и нравственные страдания были причинены именно Прокуровой В.Ф. и только она имеет право на компенсацию морального вреда, нельзя признать соответствующим требованиям закона.

Противоречит закону и вывод судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда по мотиву того, что не имеется прямой причинной связи между совершённым Негодиным В.А. в отношении Прокуровой В.Ф. преступлением, в результате которого Прокуровой В.Ф. был причинён тяжкий вред здоровью, и её смертью.

Пунктом 2 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что нематериальные блага защищаются в соответствии с данным кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

В силу пункта 1 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» (статьи 1064 – 1101) и статьёй 151 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно пунктам 1, 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, вред, причинённый личности или имуществу гражданина, а также вред, причинённый имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинён не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

Как разъяснено в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

Одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом (абзац первый пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесённых им страданий (абзац второй пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина» указано, что по общему правилу, установленному пунктами 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. Установленная статьёй 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации

презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья, размер причинённого вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учётом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинён вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела (абзацы третий и четвёртый пункта 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина»).

Таким образом, по общему правилу необходимыми условиями для наступления гражданско-правовой ответственности за причинённый вред, в том числе моральный, являются: причинение вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда. Гражданское законодательство предусматривает презумпцию вины причинителя вреда: лицо, причинившее вред, освобождается от обязанности его возмещения, если докажет, что вред причинён не по его вине. Исключения из этого правила установлены законом, в частности статьёй 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации. Наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и моральным вредом (страданиями как последствиями нарушения личных нематериальных прав или посягательства на иные нематериальные блага) предполагает, что противоправное поведение причинителя вреда должно быть условием наступления негативных последствий в виде физических и нравственных страданий потерпевшего. При этом закон не содержит указания на то, что между противоправным поведением причинителя вреда и перенесёнными потерпевшим в связи с этим физическими и нравственными страданиями должна быть только прямая причинная связь.

Следовательно, для привлечения к ответственности в виде компенсации морального вреда юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенёс физические и нравственные страдания в связи с посягательством причинителя

вреда на принадлежащие ему нематериальные блага (в настоящем случае – право на родственные и семейные связи), при этом на причинителе вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины, то есть установленная законом презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий – если это вред моральный), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

Однако судебные инстанции неправильно применили к спорным отношениям нормы материального права, регулирующие отношения по возмещению вреда, причинённого гражданину, и устанавливающие условия наступления ответственности за причинение вреда, в данном случае морального вреда, вследствие чего пришли к ошибочному выводу о том, что одним из условий наступления ответственности за такой вред является наличие прямой причинной связи между противоправным действием и вредом.

Судебными инстанциями, сделавшими такой вывод, не учтено, что нормами гражданского законодательства о деликтной ответственности возможность взыскания с причинителя вреда компенсации морального вреда не поставлена в зависимость от наличия именно прямой причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредом, ввиду чего является ошибочным и указание судебных инстанций на то, что как в уголовном, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредом означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, за пределами юридически значимой причинной связи.

Как установлено судом и видно из материалов дела, между смертью Прокуровой В.Ф. и причинением ей тяжкого вреда здоровью в результате совершённого Негодиным В.А. преступления имеется опосредованная (непрямая) причинная связь, полученные Прокуровой В.Ф. травмы привели к развитию заболеваний, вследствие которых она скончалась. При этом с момента получения травм и до смерти Прокурова В.Ф. находилась без сознания.

Однако этим обстоятельствам вследствие неправильного применения судебными инстанциями норм материального права соответствующей правовой оценки не дано.

При разрешении спора судебные инстанции сослались на то, что Негодин В.А. был осуждён за причинение тяжкого вреда здоровью Прокуровой В.Ф., а не за деяние, повлёкшее по неосторожности её смерть.

В соответствии с положениями части 4 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении

обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Следовательно, при рассмотрении гражданского дела о правовых последствиях совершённого лицом преступления не подлежат доказыванию лишь два факта: имело ли место определённое действие (преступление) и совершено ли оно данным лицом.

Однако в нарушение требований статей 56, 67, 71, 195 – 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации наличие либо отсутствие необходимых условий для возложения на Негодина В.А. гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда за причинение им Мандрыке М.А. физических и нравственных страданий предметом самостоятельного судебного исследования и оценки в ходе рассмотрения исковых требований Мандрыки М.А. к Негодину В.А. о компенсации морального вреда не являлось.

Указание судебных инстанций в обоснование отказа в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда на то, что Негодин В.А. был осуждён за причинение тяжкого вреда здоровью Прокуровой В.Ф., а не за деяние, повлёкшее по неосторожности её смерть, вследствие чего право на компенсацию морального вреда имеет только Прокурова В.Ф., является ошибочным, поскольку в данном случае предметом спора являлись обстоятельства, связанные с причинением морального вреда дочери Прокуровой В.Ф. – Мандрыке М.А. в связи с причинением вреда здоровью и последующей смертью её матери Прокуровой В.Ф. в результате преступных действий Негодина В.А.

Заявленные Мандрыкой М.А. требования связаны с гражданско-правовыми последствиями преступных действий Негодина В.А., совершённых им в отношении матери Мандрыки М.А. – Прокуровой В.Ф., а не с юридической квалификацией этих действий на основании норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Приведённые выше нарушения норм материального и процессуального права, допущенные судами первой и апелляционной инстанций при разрешении спора по иску Мандрыки М.А. к Негодину В.А. о компенсации морального вреда, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит существенными, а выводы судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда, причинённого преступлением, – неправомерными.

В связи с изложенным решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 6 сентября 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 27 ноября 2018 г. в части отказа в удовлетворении исковых требований Мандрыки М.А. о компенсации морального вреда нельзя признать законными, они приняты с

существенными нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможна защита нарушенных прав и законных интересов заявителя, что согласно статье 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации является основанием для отмены обжалуемых судебных постановлений в указанной части и направления дела в отменённой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить возникший спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными по делу обстоятельствами.

Руководствуясь статьями 390¹⁴, 390¹⁵, 390¹⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 6 сентября 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 27 ноября 2018 г. по делу № 2-3916/2018 Октябрьского районного суда г. Белгорода отменить в части отказа Мандрыке М.А. в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда.

Дело в отменённой части направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции – Октябрьский районный суд г. Белгорода.

Председательствующий

Судьи

